

УДК 94(477.75)"1396/1406"

ОТНОШЕНИЯ ЭМИРА ТИМУРА С ЕВРОПОЙ ДО И ПОСЛЕ БИТВЫ ПРИ АНКАРЕ

Кырнык Гюрай

(Университет Гази, Анкара, Турция)

В статье рассматриваются взгляды европейских историков на проблемы отношений эмира Тимура (Тамерлана) с Европой до и после битвы при Анкаре (1402). Особое внимание уделено дипломатической переписке, связям папства с европейскими монархиями, записям, сделанным во время боевых действий, и дипломатическим миссиям. Также в статье освещается изменение образа эмира Тимура у европейцев. Наиболее серьезные изменения, произошедшие после битвы при Анкаре, отражены в официальной переписке европейских королей, папства и византийских императоров. Само сражение, с одной стороны было спровоцировано европейскими и византийскими правителями, а с другой стороны, явилось прямым следствием роста противоречий среди правителей Анатолии и Средней Азии. При этом автор считает, что Европа и Византия, принадлежавшие к совершенно разным культурам, стремились достичь разных политических целей, в то время как османский султан Баязид I и эмир Тимур, являясь исключительно тюркскими правителями, стремились достичь одинаковых целей при помощи схожих методов политической борьбы.

Ключевые слова: эмир Тимур, султан Баязид I, византийский император Мануил, французский король Карл VI, английский король Генрих VI, Иоганн Шильтбергер, Энрике III, Руи Гонсалес де Клавихо.

Положение сторон перед битвой при Анкаре

Отношения между эмиром Тимуром – Токтамышем – султаном Баязидом I – Беркуком были наполнены важными событиями, определявшими ход исторических событий. Сообщение, полученное венецианцами в 1394 г., являлось прямым свидетельством того, что они следили за подготовкой военного похода эмира Самарканда в Анатолию. Благодаря тесным торговым отношениям с Византией, Венеция проинформировала императора Мануила Палеолога об этих приготовлениях. Одновременно, принимая во внимание возможность того, что Тамерлан не станет выступать против османского султана, венецианцы обратились за помощью к римскому папе, германскому императору, английскому и французскому королю. Тем не менее весть о приближающейся войне эмира Тимура весной 1394 г. застало византийского императора врасплох. Несмотря на возможное отсутствие османского султана в войске и прекращение им восьмилетней осады Константинополя, Мануил посчитал необходимым укрепить столичный гарнизон.

На Востоке новость о подготовке похода также способствовала дипломатической активизации. В 1394 г. в источниках фиксируется прибытие послов от золотоордынского хана Токтамыша и османского султана ко двору мамлюкского правителя в Каире. Одной из причин этих событий, по мнению историка И. Миргалеева, стало стремление выработать общие решения в связи с возникшей опасностью со стороны эмира Тимура [6, s. 190]. Впрочем, в опубликованных письменных источниках понять, о чем конкретно договорились стороны, нельзя. Ясно одно, что прибытие послов в Каир в этот период было зафиксировано, но о содержании этих переговоров ничего не известно. Ситуацию о создании антитимуровского тройственного союза может прояснить публикация новых и ранее не введенных в научный оборот источников.

Военное противостояние эмира Тимура с Токтамышем, разгром Золотой Орды, изменения во взаимоотношениях между русскими князьями и последующее формирование русской нации – все это последствия похода эмира Тимура в Восточную Европу. Захват и уничтожение в 1395 г. венецианской колонии на побережье Азовского моря, сирийский поход (1401–1402) напрямую способствовали признанию эмира Тимура в Европе. Заявление византийского императора Мануила о неприступности стен Константинополя, стремление Венеции подтвердить свои торговые привелегии в Византийской империи, заявление венецианского дожа о предоставлении убежища византийскому правителю, а также активная переписка главы средиземноморского города с римским папой и другими европейскими монархами о появлении войск эмира Тимура являлись прямыми доказательствами роста признания Тимура в европейском обществе [8, p. 328–331].

Английский историк Г. Халлам так описывал появление эмира Тимура: «Цель крестоносцев, отправившихся в путь в 1396 г., заключалась в оказании помощи осажденному Константинополю. Однако 25 июля 1396 г. крестоносцы были разгромлены под Никополем, поэтому Константинополь и небольшие балканские герцогства оставались в осаде, Венгрия также оказалась в трудной ситуации. В этой ситуации Тамерлан явился необычным и неожиданным союзником для христиан. Являясь императором Великих Монголов, он был той личностью, которая стала причиной начала гражданской войны в Османской империи, которая в течении 40 лет набирала свое могущество» [4, s. 285]. Здесь привлекает внимание то, что английский историк Г. Халлам назвал Тамерлана монголом, однако это определение несколько неуместно. В действительности, личность эмира Тимура нужно рассматривать как создателя возникшей в Центральной Азии тюркско-исламской цивилизации. В связи с этим многие тюркские правители Анатолии рассматривались им скорее как союзники и соплеменники. Вероятно, что он, как тюркский правитель, находился в более тесных

отношениях с искавшими у него защиты туркменскими беками Анатолии Сарыханоглу, Метешоглу и Айдыноглу.

Поражение крестоносцев вызвало озабоченность у византийского императора. Несмотря на все заверения со стороны венецианцев о предоставлении ему убежища, Мануил отправился в Европу на переговоры с европейскими монархами. Впрочем, ожидавшийся западно-европейский поход эмира Тимура так и не состоялся. Мануил 10 декабря 1399 г. отбыл на венецианских кораблях из Константинополя в Европу. Тем временем, племянник императора, будущий Иоанн VII, стал исполнять его обязанности. В июне 1400 г. Мануил встретился в Париже с Карлом VI, а уже в декабре того же года в Лондоне – с английским королем Генрихом IV. На этих встречах он акцентировал внимание на предоставлении ему военной помощи или создании военного союза. После возвращения в Париж в феврале 1401 г. ему было четко сказано, что помощи от французов ждать не стоит. Впрочем, несмотря на отказ, он оставался в Париже вплоть до осени 1402 г. Столь длительное отсутствие византийского императора в Константинополе способствовало распространению на Востоке слухов, имевших крайне негативные последствия [8, p. 328–331].

В 1400 г. эмир Тимур предпринимает поход против мамлюков. Захват Дамаска (Шам) и его округа стала одной из самых обсуждаемых тем в Европе. Слухи о зверствах, творимых его войсками в северной части Черного моря, Леванте и Сирии переполошили весь христианский мир. В результате, король Арагона Мартин I и римский папа Бенедикт XIII в своем обращении к Сирии потребовали «организовать военный поход против этого монгольского императора». Здесь интересен тот факт, что европейцами эмир Тимур был охарактеризован не как правитель монголов, а как правитель узбеков или татар. Именно с этого письма и нужно брать точку отчета формирования в историографии образа Тамерлана, как основателя нового сильного тюрко-татарского государства [7, s. 52].

В 1402 г. король Арагона Мартин I отправил эмиру Тимуру письмо, в котором поздравлял его с победой [4, s. 34]. При этом в Европе наиболее обсуждаемой темой было изгнание Тимуром рыцарей-госпитальеров из Измира. Так, арагонский король писал папе Бенедикту XIII: «О благословенный и безгрешный падре, мы готовимся к поражению в битве против захватившего все богатства Востока и приближающего к нам демона Тамерлана. Мы должны знать, что в настоящее время он направляется на Запад. Продолжая путь вместе со своей огромной армией, он будет атаковать нас с суши и с моря. В настоящее время он достиг в Анатолии Измира и взял его, а также захватил множество крепостей, принадлежавших рыцарям-госпитальерам. Он привык убивать всех, кто выйдет на пути против него и продолжает убивать, своей военной мощью. Он разрушил все и оставил за собой лишь пыль и туман» [4, s. 304]. Еще больше вы-

звали в европейских дворах озабоченность новости о взятии и разорении городов Сиваса, Дамаска и Багдада, в результате чего в Европе стали распространяться легенды о Тамерлане.

Несколько иную позицию по отношению к эмиру Тимуру занял двор византийского императора. В августе 1401 г. посол от Иоанна VII передал Тамерлану письмо, в котором византийский правитель заявил, что в случае победы эмира над Османским султанатом вся турецкая дань будет передана в его казну. Параллельно французский король Карл VI и генуэзцы также попытались наладить с эмиром Тимуром дипломатические отношения. Аналогичным образом поступил кастильский король Энрике III, когда после сирийского похода Тамерлана летом 1403 г. (21 мая) он отправил в Самарканд двух своих послов. Согласно записям, сделанным секретарем короля Клавихо, встреча с самаркандским правителем состоялась во дворце эмира 8 сентября 1403 г. [2, s. 12–13, 139].

Отражение в средневековых текстах информации о битве при Анкаре (1402)

В конце XIV в. Европа находилась в ожидании падения Константинополя. Поэтому было принято решение послать против Османского султаната войско крестоносцев во главе с венгерским королем Сигизмундом и коннентаблем французского королевства Филипом д'Артуа. Впрочем, несмотря на всеобщую со стороны византийцев поддержку действий крестоносцев, до реального взаимодействия с ними дело так и не дошло. Как свидетельствуют византийские источники, в 1396 г. империя вынуждена была признать себя официально в качестве вассала Баязида I. При этом византийцы обязались платить дань и обеспечивать снабжение османских войск в полном объеме [3, s. 21].

Очень много сведений о взаимоотношениях между эмиром Тимуром и Баязидом I предоставляют записи оказавшегося в плену сначала у османского правителя, а потом у Тамерлана немецкого хрониста Иоганна Шильтбергера (1380–1440) [9]. Благодаря его воспоминаниям Западная Европа смогла впервые получить информацию о Сибири, личности эмира Тимура и его окружении, турецкой средневековой истории и культуре. Но самой ценной, с исторической точки зрения, является информация о том, что Баязид I не был в плену у эмира Тимура [5, vol. II, s. 594]. Описание Крестового похода 1396 г. было опубликовано сразу после его возвращения в Европу. Оно скорее является записками очевидца событий, нежели записями официального хрониста. Поэтому в записках Шильтбергера нельзя найти информацию о событиях, предшествовавших битве и последовавших за ней. Вместе с тем, эти записки позволяют понять логику действий Баязида и особенность политического устройства его государства, кроме того он свидетельствует о проживании на территории Осман-

ской империи христиан и евреев, а также об отсутствии какой-либо дипломатической активности со стороны европейских монархов накануне битвы при Анкаре [9, s. 101].

Европейские монархи уже с самого начала стали видеть в Тамерлане силу, способную их уничтожить. Последовательный захват огромных территории от Сибири до Индии и от Самарканда до Египта вызвал интерес к его персоне со стороны каталонского, французского и английского королей. Еще накануне битвы при Анкаре в ставку эмира Тимура в Карабахе прибыли генуэзское и венецианское посольства. Наиболее полную информацию о дворе эмира оставил посланник французского короля, пастор Иоган, но о содержании посланий Карла VI к Тамерлану можно только догадываться. Самым основательным при сборе информации о правителе Самарканда был кастильский король Энрике III. Летом 1401 г. на Восток отправились две его дипломатические миссии. Основной задачей, стоявшей перед ними, являлся сбор информации об участниках событий и установлении дипломатических отношений с победителем. Именно из записей членов этих миссий кастильский правитель узнал о падении Багдада в июле 1401 г. и о ходе произошедшей 28 июля 1402 г. битве при Анкаре. В целом, можно заключить, что именно записи европейских посланников и являются наиболее ценными источниками о ходе этого сражения.

После битвы при Анкаре

Сразу же после битвы при Анкаре кастильская дипломатическая миссия во главе с Пайе де Сутамайером и Германом Шансердо Паллаволосом встретила с эмиром Тимуром. В результате их встречи было решено отправить ко двору кастильского короля ответное посольство во главе с Хаджи Мехметом (Мехмет аль-Хадж) с подарками и личным посланием от правителя Самарканда [2, s. 20]. Наряду с драгоценностями Энрике III получил в качестве дара двух христианских наложниц из гарема султана Баязида I. Эти девушки, венгерка Мария и римлянка Анжелика, позднее вышли замуж за кастильских дворян. Их история стала излюбленной темой для испанской литературы и поэзии [2, s. 20–21].

Весть о победе Тамерлана стала сюрпризом для находившегося в Париже императора Мануила. Прибывший из Константинополя византийский сенатор Жан де Шатоморан (Jean de Chateaumoran), кроме информации о ходе битвы при Анкаре, сообщил новости о взятии и разграблении войсками эмира Тимура города Измира и его окрестностей, а также о подготовке кораблей для перехода на Румелию. Эти сведения вызвали озабоченность у императора, поэтому Мануил, с одной стороны, стал искать союз с османскими султанами, а с другой, заверил эмира в своей преданности при помощи подарков [1, s. 29]. Эти шаги способствовали тому, что между Византией, с одной

стороны, и Османским султанатом, в лице Сулеймана, с другой, в феврале 1403 г. было подписано долгожданное соглашение. Впрочем, ещё до возвращения императора Мануила в Константинополь, подобные соглашения были подписаны с рыцарями-госпитальерами, Венецией и Генуэй. Весной 1403 г. Европа вздохнула с облегчением, получив весть о возвращении эмира Тимура в Самарканд. Это привело к снятию с повестки дня идеи военных приготовлений, так как в европейском общественном сознании армию Тамерлана сравнивали с саранчой, пожирающей все на своем пути [8, s. 331].

Весть об изгнании крестоносцев (тамплиеров) из Анатолии не очень обрадовала европейских монархов. Единственным положительным моментом стала отправка 22 мая 1403 г. ко двору эмира Тимура посольства кастильского короля Энрике III во главе с секретарем короля (по другим источникам, во главе с испанским дворянином Руи Гонсалесом де Клавихо) [10, s. 31]. При этом следует отметить, что одним из важных элементов успеха этого посольства явилась активная помощь со стороны эмировского посла Хаджи Мехмета. Именно он помог этому посольству добраться до Грузии. Правда здесь они, накануне зимы, вынуждены были расстаться и встретиться вновь при дворе Тамерлана в Самарканде. В состав кастильского посольства, кроме королевского секретаря, вошли также священник Альфонсо Пиз и солдат Гомез де Салазар. Из всей группы только Салазар не смог выдержать трудности путешествия и скончался в Нишапуре [8, s. 12–13].

Текст доклада Руи Гонсалес де Клавихо содержит очень много интересных моментов, связанных с историей культуры Анатолии. Так, например, Клавихо указывает на то, что столица Византии известная в Европе как Константинополь, местными названа Стамбулом [8, s. 56]. Далее в тексте описываются все города, в которых побывало посольство (Юи, Трапезунд, Мешхед, Мерв, Балх, Самарканд).

Одним из самых ценных является описание встречи с правителем Самарканда: «Тимур сперва спросил о благополучии нашего короля – «Как поживает король Испании, сынок?» (было понятно, что он, будучи пожилым, обращался с такими словами). Мы тоже давали соответствующие ответы, а потом объяснили цель нашего визита. Когда мы закончили свою речь, эмир Тимур, внимательно слушавший нас, начал говорить с одним из высокопоставленных чиновников, сидевших у его подножия. Позже нам объяснили, что с одной стороны от эмира сидят хан тюрко-татаров Токтамыш и князь чагатайцев, губернатор Самарканда, а по другую стороны – члены семьи Тимура. Когда мы закончили говорить, Тимур обращаясь к ним, сказал: «Это приехавшие послы, которых отправил мой сын, король Испании. Король Испании – самый могущественный среди королей франков. Национальность тоже известная и могущественная. Я также отправлю ему дружественное письмо. Достаточно было

отправить мне только письмо. Не было необходимости отправлять подарки. Мне хватит и того, что он в благополучии. Кроме этого ничего не хочу». Письмо, отправленное вместе с нами королем Кастилии, было в руках Тимура... Один из знатных людей, находившихся рядом с Тимуром, подошел к китайскому послу и сказал, что король Кастилии и Тимур друзья, и что Тимур принимает его, как сына». [8, s. 141]. Клавихо, во время пребывания в Самарканде, пользовался особым доверием у эмира, поэтому он несколько раз встречался с ним лично, что свидетельствует о высокой значимости этих встреч. Делегация отправилась обратно после того, как заболел Клавихо. Проследовав через города Зерефшан, Бухару, Тебриз, Трапезунд и Константинополь, посольство 24 марта 1406 г., после 3-х летнего путешествия, прибыло ко двору Энрике III.

Вывод

Анализ письменных источников показал, что одной из причин столкновения эмира Тимура с османским султанатом Баязидом I явилась целенаправленная политика генуэзского, каталонского, французского и византийского правителей. Кроме того западно-европейские грамоты свидетельствуют о предпринятой во времена правления в Самарканде эмира Тимура попытке христианизации местного населения. Среди устных преданий, позднее легших в европейскую историографическую традицию, фигурирует легенда, согласно которой именно после встречи с доминиканским монахом Тамерлан, для последующего раздела мира, согласился встретиться с французским королем Карлом IV [3, s. 18]. Другое предание гласит, что будто бы английский король Генрих IV стал одаривать эмира Самарканда подарками с целью заключения союза и с призывом к принятию христианства [3, s. 177]. Впрочем, можно утверждать, что действия, предпринятые Тамерланом после битвы при Анкаре, разочаровали европейских монархов. В этом смысле важное значение в понимании отношений с эмиром Тимуром имеет информация о посольствах Ибн Халдуна. Если предположить, что он являлся андалузским мусульманином, то становится понятна ценность незафиксированной в истории переписки эмира Тимура с европейскими дворами и послами [11, vol. II, s. 144].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Aka İs.* Timur ve Devleti, Türk Tarih Kurumu. Ankara, 2000.
2. *Clavijo Ruy Gonzales de Embalaya de Timur Lan. Anadolu, Orta Asya ve Timur.* İstanbul, 1993.
3. *Halis Ö.* Yedi Yıl Harbi İçinde Timur'un Anadolu Seferi ve Ankara Savaşı. İstanbul, 1934.
4. *Hallam E.* Chronicle of the Crusades. London, 1989.

5. Köprülü F.M. "Yıldırım Beyazıt'ın Esareti ve İntiharı Hakkında" // Belle-ten, Ankara, 1937. Sayı: 2.
6. Mirgaleyev I., Kamalov I. Altın Orda–Osmanlı Münasebetleri / Akademik Bakış. C.2, Sayı: 3, 2008. S. 187–198.
7. Mirgaleyev I. Altın Orda–Osmanlı ve Memlüklerin Aksak Timur'a Karşı Birlik Kurma Meselesine Dair // Karadeniz Araştırmaları Dergisi. Sayı: 25. Bahar 2010, s. 51–57.
8. Nicol D.M. Bizans ve Venedik // Sabancı Üniversitesi Yayınları. İstanbul, 2000, s. 328–331
9. Schiltberger J. Türkler ve Tatarlar Arasında (1394–1427) // Çev.Turgut Akpınar, İletişim Yayınları. İstanbul, 1997.
10. Şerafeddin A.Y. Timur ve Tüzükatı Osmanlıcası: Mustafa Rahmî, (Zafername-i Emir Timur Gürgân) // Çev. Kevser Kutay, Academyplus Yayınları. Ankara, 2000.
11. Texier Charles. Küçük Asya C.I–III, Haz. K.Yaşar Koprıman, M.Yıldız, Kültür Bakanlığı. Yayınları. Ankara, 2002.

Сведения об авторе: Кырпык Гюрай – преподаватель в Университете Гази (06560, Анкара, Турция); guray@gazi.edu.tr

RELATIONS OF EMIR TIMUR WITH EUROPE BEFORE AND AFTER THE BATTLE OF ANKARA

Kırpık Güray

(Gazi University, Ankara, Turkey)

The article examines the views of European historians on the relations between Amir Timur (Tamerlane) and Europe before and after the Battle of Ankara (1402). The author pays particular attention to the diplomatic correspondence, papal relations with European monarchies, recordings made during the hostilities, and diplomatic missions. The article also highlights the changing image of Amir Timur among Europeans. The most significant changes that took place after the Battle of Ankara are reflected in the official correspondence of the European kings, the Papacy, and the Byzantine emperors. On the one hand, the battle itself was provoked by European and Byzantine rulers. On the other hand, it was a direct consequence of the growth of contradictions between the rulers of Anatolia and Central Asia. At the same time, the author considers that Europe and Byzantium, belonged to a completely different cultures, striving to achieve various political goals, while the Ottoman Sultan Bayezid I and Emir Timur, being exclusively Turkic rulers, sought to achieve the same goals using similar methods of political struggle.

Keywords: Amir Timur, Sultan Bayezid II, Byzantine emperor Manuel, French King Charles VI, English King Henry VI, Johann Schiltberger, Enrique III, Ruy Gonzalez de Clavijo.

REFERENCES

1. Aka İ. *Timur ve Devleti, Türk Tarih Kurumu*. Ankara, 2000.
2. Clavijo Ruy Gonzales de Embalaya de Timur Lan. Anadolu, *Orta Asya ve Timur*. İstanbul, 1993.
3. Halis Ö. *Yedi Yıl Harbi İçinde Timur'un Anadolu Seferi ve Ankara Savaşı*. İstanbul, 1934.
4. Hallam E. *Chronicle of the Crusades*. London, 1989.
5. Köprülü F.M. "Yıldırım Beyazıt'ın Esareti ve İntiharı Hakkında". *Belleten*. Ankara, 1937. Sayı: 2.
6. Mirgaleyev I., Kamalov I. Altın Orda–Osmanlı Münasebetleri . *Akademik Bakış*. C. 2, Sayı: 3, 2008, pp. 187–198.
7. Mirgaleyev I. Altın Orda–Osmanlı ve Memlüklerin Aksak Timur'a Karşı Birlik Kurma Meselesine Dair. *Karadeniz Araştırmaları Dergisi*. Sayı:25. Bahar, 2010, pp. 51–57.
8. Nicol D.M. Bizans ve Venedik. *Sabancı Üniversitesi Yayınları*. İstanbul, 2000, pp. 328–331.
9. Schiltberger J. Türkler ve Tatarlar Arasında (1394–1427). *Çev.Turgut Akpınar, İletişim Yayınları*. İstanbul, 1997.
10. Şerafeddin A.Y. Timur ve Tüzükatı Osmanlıcası: Mustafa Rahmî, (Zafername-i Emir Timur Gürgân). *Çev. Kevser Kutay, Academyplus Yayınları*. Ankara, 2000.
11. Texier Charles. Küçük Asya C.I-III, Haz. K.Yaşar Koprıman, M.Yıldız, *Kültür Bakanlığı*. Yayınları. Ankara, 2002.

About the author: Güray Kirpik – Lecturer at the Gazi University (06560, Ankara, Turkey); guray@gazi.edu.tr